

Философия рок-самиздата и феномен «интеллектуального панка»

Петрова О.Г.

«Интеллектуальный панк» - термин далеко не однозначный. Кто его впервые употребил – теперь уже, наверное, не разобраться, но широко употребляемым сделал в конце 80-х годов XX века Сергей Гурьев, московский рок-журналист и философ. Самиздат-культура того времени (журналы «Контр Культ Ура», «УрЛайт», «Зомби» и другие) частично сохранила свидетельства о самобытных корнях данного явления.

Рок-самиздат на сегодняшний день представляет собой одну из самых малоизученных форм существования философской мысли. Основной проблемой для исследования можно считать тот факт, что огромная часть материалов была утеряна, конфискована, уничтожена и так далее, а оставшиеся фрагменты, вырванные из контекста, могут иметь множество самых разнообразных интерпретаций.

Философия рок-самиздата – это сочетание фактов, портретов и умозаключений, в котором присутствует элемент игры и принцип «а глупый пусть примет за чистую монету» [Гурьев С. Пограничные столбы русского рока. // Золотое подполье. С. 6]. Этот странный на первый взгляд конгломерат разрозненных текстов породил уникальный жанр так называемой «философской телеги». Один из крупнейших мастеров этого жанра Александр Серьга определяет телегу как «несистематические, но системосодержащие умопостроения» [Там же], мифотворчество, не имеющее отношения «к настоящему качеству ума» [Там же. С. 7]. Именно в таких телегах и зародился интеллектуальный панк – миф, ставший реальностью. Изначально [Брук М., Гребенщиков Б. Что такое панк и где его место в нашей жизни. // Рокси. № 5. 1982. // Золотое Подполье. С. 212] за этим словосочетанием скрывалась ирония: ну разве может быть интеллектуальным отрицание рациональности? Но к концу восьмидесятых годов стало ясно, что значение поменялось на прямо противоположное. В 1990 году в журнале «Контр Культ Ура» выходит посвящённая этой проблеме статья Сергея Гурьева «Bedtime for Демосгасу: опыт тезисного егороцентризма» [Гурьев С. Bedtime for Демосгасу: опыт тезисного егороцентризма. // Контр Культ Ура. № 2. 1990. // Золотое Подполье. С. 328], где делается попытка экзистенциального анализа всего того, что произошло в рок-андеграунде с середины 80-х – в эпоху завершения «времени колокольчиков».

Визитной карточкой интеллектуального панка, своего рода вершиной айсберга (хотя далеко не единственным выражением) были и остаются тексты Егора (Игоря) Летова, Романа Неумоева, Яны Дягилевой и других представителей так называемой сибирской волны.

По песне Александра Башлачёва «Время Колокольчиков» было названо наиболее жаркое и плодотворное для подполья время – вторая половина восьмидесятых. Уже в двадцать первом веке Б. Гребенщиков написал небольшую аналитическую статью «Память крови сильнее памяти ума», в которой пишет: «Русская поэзия 60-х – 70-х выразила надежду. Русская поэзия 80-х и дальше выразила... нет, не отчаянье, - похоронный плач. По убитой, самоубитой и доедаемой Родине. Эта поэзия названа «рок», но имеет мало общего с тем, западным, который умеет блевать и плевать, но не умеет плакать. Ему нечего оплакивать, потому что они не имели того, что мы потеряли» [Б. Г. Память крови сильнее памяти ума. // Янка. Сборник материалов. С. 270]. Хотя «как всякое несакральное явление рок изначально бестрагедийен» [Кудимова М. Янка-вопленица. // New Hot Rock. № 11-12. 1995. // Янка. Сборник материалов. С. 192]. Интеллектуальный панк обнажает трагизм бытия, причём делает это жестоко и резко. Тексты Летова и Неумоева циничны и злы, но при этом одновременно и лиричны, Янки Дягилевой - воплощение экзистенциального плача по миру, пронзительные заклинания отчаянья [Летов Е., Дягилева Я., Рябинов К. Русское поле экспериментов. М., 1994].

Прототипом панка можно считать античных киников, авангардные художественные течения первой половины XX века, а непосредственными идеологами – ситуационистов.

Однако интеллектуальный панк (то есть, по сути, большая часть советского рок-андеграунда восьмидесятых годов) имеет истоки ещё и в русской классической литературе, и в бардовской песне, и в фольклоре. Таким образом, можно сказать, что интеллектуальный панк – это некая разновидность, существующая в конкретное время в конкретном месте, и рассматривать его можно только в целостности контекста.

Интеллектуальный панк отличается в первую очередь проблематикой, форма выражения практически идентична с западным собратом, хотя можно отметить в интеллектуальном панке гораздо более пристальное внимание к тексту [Крейг О'Хара Философия панка: больше, чем шум. С. 67]. Это следует из иной экономической и политической ситуации. На западе ситуационисты видели причины бунтов 1960-х в том, что на волне экономического подъема слишком многие люди в Америке и Европе уже имели то, что было на рынке, - и в результате у них возникла возможность подумать о том, чего бы еще они могли захотеть. Интеллектуальный панк восставал не от хорошей жизни, и искал он не новых развлечений, а подлинного бытия.

Интеллектуальный панк экзистенциален. Как культурно антропологический феномен он сложился к концу 80-х годов на основе западной панк-музыки, но с уникальной текстовой проблематикой. К середине 90-х это уже было не единое течение, а разрозненные направления.